

С. И. НИКОЛАЕВ

Поэзия и дипломатия

(Из литературной деятельности
Посольского приказа в 1670-х гг.)

На заре XVII в., в 1600 г., в Москву прибыл польский посол, канцлер Лев Сапега. На аудиенции у царя Бориса Годунова он от имени всего польского народа выразил желание жить с русскими в «согласии и вечной и нераздельной любви, как люди одной веры христианской, одного языка и одного народа славянского».¹ Мысль «о вечном согласии», собственно, и варьировалась в 24-х статьях заключенного тогда договора. Однако уже события Смутного времени показали, что это утопия. Многолетние войны, украинский вопрос, пограничные конфликты — все это сделало польско-русские отношения основной проблемой внешней политики России на протяжении всего XVII в., оттеснив на задний план даже турецкие и шведские дела. Начиная с середины XVII в. между Россией и Польшей ведутся непрерывные дипломатические переговоры, почти ежегодно страны обмениваются посольствами. Россия со второй половины 60-х гг., после Андрусовского перемирия (1667), стремилась учредить постоянную миссию в Польше — и наконец добилась этого в 1673 г. (Хотя впервые в качестве русского резидента В. Тяпкин был отправлен в Варшаву в 1668 г., он не был принят по случаю межкоролевья и возвратился в Москву). В 1673 г. в Москву прибыл польский резидент П. Свицерский, а в декабре того же года в Варшаву снова отправлен В. Тяпкин, который пробыл там до 1677 г. После его отъезда и до 1688 г. Россия не имела в Польше своего представительства, но потом оно существовало уже постоянно.² От войн и конфронтаций Россия шла к миру и союзу с Польшей.

Русские дипломаты внимательно следили за внешне- и внутривнутриполитическим положением Речи Посполитой. В Посольском приказе переводились сеймовые конституции, привилегии, королевская переписка, манифесты и т. д. Однако кроме официальных документов русских дипломатов живо интересовала и польская публицистика, а также окказиональная политическая поэзия, прямо не касавшаяся русских дел. Для изучения общественного мнения в Польше именно эта поэзия давала самый благодарный материал. Брошюры и летучие листы откликались на самые различные политические события: «элекции», коронации, браки высокопоставленных особ, «виктории» и т. д. Окказиональные политические стихотворения писали не только ремесленники. В этом жанре подвизались практически все крупные поэты польского барокко: «сарматский Вергилий» Самуэль Твардовский, государственный деятель и заговорщик Ян Анджей Морштын, ариания Збигнев Морштын, Вацлав Потоцкий, великий корон-

¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 360—363.

² См.: Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 65.

ный маршал Станислав Хераклиуш Любомирский и многие другие. Трудно сказать — интересовала ли русских дипломатов при чтении проблема художественного качества, но именно всеядность переводчиков приводила к тому, что наряду со слабыми сочинениями в их кругозор попадали и произведения высокого уровня. При обнаружении же произведений, заключающих в себе «бесчестье государства московского», русские посланники требовали для авторов наказания — вплоть до смертной казни. Вот характерный пример.

Посольство 1650 г. в Варшаву имело две основные цели: поздравить Яна Казимира с избранием на престол и добиться наказания тех, кто неправильно писал титул великого русского государя. Глава посольства боярин Григорий Гаврилович Пушкин — сын Гаврилы Пушкина, избраженного в «Борисе Годунове», — потребовал для авторов четырех книг с «бесчестьями» смертной казни, а кроме того — несколько городов и 500 000 золотых червонных.³

Какова же судьба книг? Г. Г. Пушкин писал царю, что договорились «те книги, которые есть в Варшаве, собрать, а собрав из книг . . . листы, на которых печатано с бесчестьем предкам великим государем царем российским . . . и всему Московскому государству, выдрав, все пожечь . . . И те листы . . . на рынку (т. е. на главной площади Варшавы. — С. Н.) позжены, а иные и все книги . . . А посылали мы тех книг жечь из ответные полаты дворянина И. Т. Фустова, подьячего В. Михайлова и переводчика И. Максимова. А паны рада посылали судей И. Залеского с товарищи. А жег те книги на рынку кат, . . . в то время многие были польские и литовские люди»,⁴ которые, кстати, говорили, что «лучше бы король с Московским государством мир разорвал или города уступил, чем такое великое бесчестье положено на Корону Польскую и Великое княжество Литовское: описание славных дел королей Сигизмунда и Владислава на рынке сожжено!»⁵

Во всей этой истории примечательно то, что одной из книг была поэма «Владислав IV» Самуэля Твардовского, крупнейшего польского поэта XVII в., создателя национальной эпопеи.⁶ Сохранилась обширная «перечневая» выписка тех мест, которые Г. Г. Пушкин считал оскорбительными для русского государства.⁷ Например: «Двулетним стояньем Смоленск взят и воевода Михайло Шеин меж иными сыскан и изыман; и какое разоренье Смоленску починили, что некоторые люди со страху в огонь метались и топились в воду, и церкви и дома свои зажигали; и как, взяв Шеина с иными полонениками, отослали до Варшавы, и Поточный остался в Смоленску воеводу, и многие неизчетные бесчестные укорозны писаны Московского государства людем, чего и писать стыдно».⁸ Хотя листы и были сожжены (в цитированной выписке указаны листы 6, 7, 9, 18, 20—22, 24—26), читалась, несомненно, вся поэма целиком. Из заглавия — «Владислав IV, король польский и шведский» — не видно что рчь в поэме идет и о России: следовательно, либо наши дипломаты имели хорошую информацию о литературной жизни (т. е. знали, где и что искать), либо читалась подряд вся печатная продукция. Так, очевидно, и получилось с поэмой С. Твардовского, которая послужила русским дипломатам лишь для скудных выписок. Как и следовало ожидать, после сожжения весь

³ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 560.

⁴ Цит. по: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 32—33, примеч. 2.

⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 564.

⁶ См.: Kubala L. Poselstwo Puszkina w roku 1650 // Kubala L. Szkice historyczne. Warszawa, 1923. Ser. 1—2. S. 123—152.

⁷ См.: Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1861. Т. 3: 1638—1657. С. 443—444. — Г. Г. Пушкин действовал здесь самостоятельно, так как книга вышла всего за две недели до прибытия посольства в Варшаву и еще не могла быть известна в Москве.

⁸ Там же. С. 444.

тираж поэмы был моментально раскуплен поляками.⁸ Все хотели знать: что так оскорбило русских? В XVII в. об этом эпизоде писал и сам Твардовский в «Гражданской войне», В. Потоцкий в поэме «Хотинская война» и В. Коховский в своих «Анналах».⁹

Память об этой экзекуции была так сильна, что десять лет спустя, проезжая через Польшу в Россию, барон Августин Мейерберг довольно подробно описал суть дела, справедливо заключив, что «память об их (книг. — С. Н.) содержании никак не стореда, напротив, засияла ярче, озаренная таким пламенем. Потому что в людях возбуждено было любопытство узнать, что бы тут было такое, что столько хлопотали скрыть москвитяне, даже до того, что и попустивших это в огласку приговорили к сожжению».¹⁰

В том же 1650 г. из Варшавы вернулся (еще до отправления посольства Пушкина) царский гонец дьяк Григорий Кунаков. Он привез из Польши шесть книг, которые были «освидетельствованы» в Посольском приказе.¹¹ Среди них оказались и две поэтические книжки: «Wurgawa plebańska» и «Albertus z wojny», которые охарактеризованы следующим образом. «В пятой тетради напечатано: „Как выправлял (или высылал) ксендз Албертуса на войну. Вновь напечатана лета господня 1649-го“. А про Московское государство никаких речей в той тетради не написано. В шестой тетради напечатано: „Как Албертус с войны пошел назад. Вновь напечатана в Кракове лета господня 1649-го“. А про Московское государство в той тетради ничего не написано».¹² Таким образом, уже в 1650 г. московские дипломаты познакомились как с высокой эпической поэзией, так и с совиждалской литературой — сатирической литературой социальных низов. Примечательно, что поэма «Владислав IV» хранилась долго (она значится еще в описи 1784 г. библиотеки Московского архива Коллегии иностранных дел¹³), в то время как о книжках о «военных похождениях» церковного служки Альбертуса, старопольского Швейка, никаких упоминаний в описях этой библиотеки в XVII—XVIII вв. нет: очевидно, по той причине, что никакого интереса для дипломатов они не представляли.

Изучение фондов Посольского приказа показывает, что информация о борьбе партий, а также о русской тематике в польской поэзии год от года становится все более представительной. Можно предполагать, что связано это с учреждением в 1673 г. постоянной миссии в Варшаве при московском резиденте, стольнике и полковнике Василии Михайловиче Тяпкине. К этому времени в посольское «свидетельство» попадает все больше польских книг.

«Око всей России» — Посольский приказ — придиричиво смотрит за всем. Например, в том же 1672 г. русские послы потребовали убрать следующую картину в зале королевского дворца в Варшаве: «На одной стороне король с сыном, а на другой — гетман польский гонит московские полки, царь и бояре взяты в плен, связаны».¹⁴ Что касается окказиональной

⁸ Н. М. Рец. на кн.: C z e c h o w s k i H. Samuel's von Skrzyzna Twardowski «Wojna domowa»: Doktordissertation. Posen, 1894 // Киевская старина. 1895. Т. 49. Май. С. 96, примеч. 1.

¹⁰ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга к царю и великому князю Алексею Михайловичу // ЧОИДР. 1873. Кн. 3, отд. 4. С. 6.

¹¹ См.: Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. 3. С. 416—417.

¹² Там же. С. 417. — Заключение переводчиков Посольского приказа верно, но не совсем точно. «Москва» один раз упоминается в книге «Wurgawa plebańska»: «Wywał w bitwach pod Gdańskiem, w Moskwi, na Podolu» (цит. по 1-му изд. (1590 г.), перепечатанному в кн.: Literatura mieszczańska w Polsce od końca XVI do końca XVII w. // Опр. К. Budzyk, Н. Budzykowa, J. Lewański. Warszawa, 1954. Т. 2. S. 160).

¹³ См.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. Приложения. С. СССXVII.

¹⁴ Соловьев С. М. История России. Кн. 6. С. 408. — Очевидно, это картина Томмазо Долабелло «Представление Василия Ивановича Шуйского с братьями на Варшавском сейме 1611 г.». См.: D a r o w s k i A. Szkice historyczne. Petersburg, 1894. Ser. 1. S. 33; А д а р ю к о в В. Я. Добавления и исправления к подробному словарю

поэзии, то отметим следующее. В ней привлекают внимание не только панегирические стихотворения с такими упоминаниями о русском государстве, которые можно было использовать в дипломатической практике, но и стихотворения, отражающие либо борьбу группировок в Польше, либо критикующие ее современное состояние, политику магнатов (последняя имела целью создание магнатской республики, не зависимой ни от короля, ни от шляхты, а в конечном счете в XVIII в. привела страну к национальной катастрофе). Собирать подобные сведения также вменялось в обязанность русским дипломатам. Еще в 1649 г. в инструкции Г. Кунакову говорилось: «А едучи ему дорогою и будучи в Польше и в Литве, проведати, а о чем проведати, и о том ему дано писмо по статьям: 1. Польского Яна Казимера короля паны рада польские и литовские любят ли, и нет ли на короля от них, или от иных кого, рокошу? . . . 7. Паны рада польские и литовские в совете ли, и нет ли меж ими какие розни?»¹⁵

Среди печатной продукции, поступавшей из Польши до середины 1670-х гг., поэзия занимает довольно скромное место. Например, в 1670 г. в Посольский приказ поступили «Стихи, сочиненные на бракосочетание полскаго короля Михаила Коррибута с Елеонорою Мариєю Иозефою, княжною венгерскою, ерцгерцогинею австрийскою» (Temberski S. Serenitas Claramontana. Kraków, 1669), тогда же переведенные с латыни прозой на русский язык.¹⁶ Но более всего их поступило при Тяпкине, который долго жил в Польше, завел широкие знакомства и сам внимательно следил за литературными новинками. Так, уже через несколько дней после приезда в Варшаву ему принесли сочинение на польском языке, в котором речь шла о возможном избрании царевича Федора Алексеевича на польский престол. (Тяпкин приехал в Варшаву в январе 1674 г., после смерти короля Михаила Вишневецкого.)¹⁷

Русский резидент следил и за поэзией, различными путями приобретал интересующие его произведения и отсылал их в Посольский приказ. Известно, что 18 августа 1676 г. он отправил в Москву «Вирши на королевское величество»,¹⁸ а 15 сентября того же года — «Писмо виршевное уставом полским».¹⁹ Названных текстов в архиве Посольского приказа найти не удалось, а по этим упоминаниям трудно установить, о каких именно «виршах» идет речь. Все же у нас имеются материалы, позволяющие восстановить весь процесс работы Тяпкина и русских переводчиков с польским поэтическим текстом, а затем и с использованием его результатов в русско-польских переговорах.

В январе 1676 г. вышла из печати «Польская муза на въезд Яна III в Краков» — анонимный панегирик, посвященный коронации Яна III Собеского,²⁰ которая состоялась 2 февраля того же года. Автором «Музы» был великий коронный маршал Станислав Хераклиуш Любомирский — видный государственный деятель и не менее крупный поэт второй половины XVII в. Под одной обложкой с «Музой» также анонимно был на-

русских гравированных портретов Д. А. Ровинского (СПб., 1889) // Старые годы. 1910. № 2. С. 53; Лилейко Е. Варшавский замок. Варшава, 1980. С. 157; ср. с. 162—163. Ср.: Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji: 1674—1679. Wrocław, 1976. С. 149.

¹⁵ Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. 3. С. 368, 369.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 79, 1970, № 6 (л. 1—30 — латинский оригинал, л. 31—36 — русский перевод).

¹⁷ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. С. 505.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 417. — Здесь помещена роспись писем с сентября 1676 по ноябрь 1677 г. В самом письме к Л. Иванову, начальнику Посольского приказа, сказано: «Тут же на особном листу похвала поступкам королевского величества от его верных подданных по-полску». (Там же. Л. 307).

¹⁹ Там же. Л. 417.

²⁰ Muza polska na wjazd Jana III do Krakowa. Kraków, 1676. Об этом издании см.: Pigoński J. Nieznany warjant «Muzy polskiej» S. H. Lubomirskiego // Biuletyn Biblioteki Jagiellońskiej. Kraków, 1964. Т. 16/1. С. 5—12.

печатан и панегирик Собе кому Вацлава Потоцкого.²¹ Тяпкин прочел эту книгу и, видимо, остался ею недоволен, так как вскоре на просьбу великого литовского гетмана Михаила Паца прислать войска для помощи Польше ответил: «Не погневайся на меня, гетман, если скажу, что не стоите вы доброго слова царского, не только военной помощи, когда позволяете печатать такие злокозненные и укоризненные сочинения, как книга, изданна здесь в Кракове после уже коронации в типографии Петраковича».²² Пац «просил с великим прошением», чтобы резидент не посылал в Москву этой книги и вообще о ней не сообщал. Тяпкин, однако, отправил ее, но в дороге книга и сопроводительное письмо были перехвачены. У дома, где разместились русские дипломаты, был поставлен караул, Тяпкину запрещено было выходить на улицу, о чем он жаловался в письме А. С. Матвееву: «От меня зело скрываются и под смертию заказывают, чтоб со мною никто не виждля».²³

И все же «Муза» попала в Москву! Дело в том, что Тяпкин купил два экземпляра книги²⁴ и второй послал не сразу, а некоторое время спустя, через В. Тимофеева, что видно из записи на сохранившемся экземпляре: «Василий Тяпкин» и ниже «Послано из Варшавы 184 июля 8 чрез Василья Тимофеева».²⁵ В этом экземпляре против стихов, в которых упоминается Москва или русское государство, чернилами поставлены кресты, очевидно, самим Тяпкиным или Тимофеевым, а возможно, и переводчиком Тяпкина Семеном Федоровичем Лаврецким. Отмечены, например, такие стихи: «Z niewierną Rusią tu trudzili zdrowie», «Że się nam Moskał w polsieku nie zbliża»²⁶ и т. д.

В Посольском приказе был сделан выборочный перевод этих двух панегириков. Кроме отмеченных крестами стихов были переведены и такие стихи или строфы, которые к России отношения не имели.²⁷ Среди других в экземпляре Посольского приказа помечен крестиком первый стих 31-й строфы («статья», по принятой в Посольском приказе терминологии) «Музы» Любомирского:

Że Moskwę takie obleciały tchórze.
Nie same się też lęgną tam sobole,
Nie za Dniepr, ale uciekłyby za morze,
Kogo srogi strach śmierci w oczy kole.
Wróćą się oni znowu na Podole,
W pieszczonem ludzie Tryonie zrodzeni
Wytrwać niewczesnej nie mogli jesieni.²⁸

²¹ Paniegyryk najaśniejszemu królowi a panu swojemu miłościwemu. Kraków, 1676. — Первая редакция (1675 г.) перепечатана в кн.: Trembecki J. T. Wirydarz poetycki / Wydał A. Brückner. Lwów, 1910. Т. 2. S. 158—170.

²² Попов А. Русское посольство в Польше в 1673—1677 гг. СПб., 1854. С. 175. — Текст «Музы» цитируется далее по экземпляру Библиотеки им. Оссолинских (Вроцлав), шифр XVII-17038-IV.

²³ Там же. С. 192. Ср.: Darowski A. Rezydent na dworze polskim w XVII w. // Darowski A. Szkice historyczne. Ser. 1. S. 173—175.

²⁴ В письме от 3 апреля 1676 г. он писал, что заплатил «за две пашквилные (по отношению к России. — С. Н.) книги, завомую „Музу“, по ефимку за книгу» (ЦГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 369).

²⁵ ЦГАДА, ф. 79, 1676, № 8, л. 1. — Тут же приписка: «1676 фев<раля> 1. Стихи печатные польские на въезд полского короля Яна третьего в Краков для коронавания. Конца нет». Несовпадение дат (книга выслана 8 июля, припла в Москву 18 августа (ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 481), а в описании значится под 1 февраля) объясняется, очевидно, тем, что событие задним числом «приурочили» к коронации Яна Собеского, которая состоялась 2 февраля. В. Тимофеев — подьячий Посольского приказа. (См.: Русский биографический словарь: «Суворова—Ткачев». СПб., 1912. С. 536; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 514).

²⁶ Muza polska. К. С. К («С неверною Русью zde здравие трудили, Стократы там себя дороже учинили», «Что к нам москвитин в помочи не спешит, Как обещал с нами сабли не случит» — ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 482 об., 483 об.).

²⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 481—485 об.

²⁸ Muza polska. К. С.

Вся октава переведена неравносложными (от 9 до 13 слогов) стихами:

Что Москву тако бы облетели хори,
 Не сами там родятца соболи.
 Не за Днепр, но ушол бы за море,
 Ково велик страх смерти в очи колет.
 Не вся Литва в таком позоре,
 Возвратятца они паки на Подоле.
 В нежном обиталищи люди урождени
 Вытерпеть несчастливой²⁹ не могли осени.³⁰

Переводчики более всего внимания уделяли, конечно, «укоризненным» стихам. Вот еще несколько строк из «Музы»:

Что к нам москвитин в помочи не спешит,
 Как обещал с нами сабли не случит,
 Ко общему отзываяся кресту.
 Тот нам в казаках обычну шатает веру,
 Претворяся в различную харю.³¹

Но переводились и такие места, какие имели отдаленное к России отношение. Проиллюстрируем это большими отрывками уже из панегирика В. Потоцкого. Поскольку книга издана анонимно, то в переводе, который следует за переводами из «Музы», сочинение Потоцкого названо: «В той же книге в особых строках положено». В этих фрагментах Потоцкий, говоря о заслугах Собеского, уже прославленного в Европе победителя при Хотине (битва состоялась 11 ноября 1673 г.), описывает упадок Польши при прежнем короле Яне Казимире:

Даже до твоего взятия булавы
 Никакой Корона полская не имела славы, ||
 Паче безчестье и срамоту вечну,
 Когда все вкратце наследник ростерял,
 Что Лех храброю рукою собирал.
 Где Копцы? Где столпы Болеславовы железны?
 Где Днепр? Где Черное, где Варяжское море?
 Где победа Грунвальская? Где Собачье поле?
 Стыдливы очи Пилавцами колет,
 Изметает голубь, дважды отереблен,
 Орлу на очи шведов с каплуны
 И печальные Корсуни и Жолтые воды,³² ||
 злословят фортуны.

.....
 Бог пусть на твоей венец утвердит главе
 И скиптр, которой в твои дает длани.
 Пусть благословит, чтоб такова слава
 Ныне тебя как прежде от булавы встречала,
 А скончав житие, так ж благоволит —
 На небе на престоле с святыми посадит,
 И видел после себя и тешился, когда ||
 Ов побивая турка, ов крепкого шведа,
 Ин дурную Москву, возвратятся с отместием в дом,
 Права дальнейшим написав народом.³³

Реакцию русского резидента на подобное освещение военной истории Польши от войн Б. Хмельницкого до 70-х гг. XVII в. предсказать не-

²⁹ *Испр.*, в ркп. «несчастливой». В польском тексте — «niewczesnej» (несвоевременной), переводчик прочитал это слово как «nieszczesnej».

³⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 481 об.—482. — Это первая октава на русском языке (*ававасс*).

³¹ Там же. Л. 483 об.

³² *Испр.*, в ркп. горы.

³³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 484—485 об. Ср.: *Najśmiejszemu królowi*. К. L₂ v—M, O₂. — В первом фрагменте три стиха не имеют второго, с ними рифмующегося. Эти «холостые» стихи появились, очевидно, из-за небрежности переписчика, так как переводчик заботился о рифмах, которые не всегда заимствованы из оригинала.

трудно и, как уже говорилось выше, сразу по выходе «Музы» Тяпкин высказал свое неудовольствие М. Пацу, а саму книгу с «отпискою» отослал в Москву. После того как письмо и книга были перехвачены, сам Ян Собеский выговаривал Тяпкину: «Мы имеем ясные доказательства, что ты писал ссорные письма».³⁴ Польский король прекрасно понимал, что претензии русского резидента лишь предлог в дипломатической игре.

Прошло несколько лет, и панегирикам Любомирского и Потоцкого опять пришлось сыграть аналогичную роль. В ходе переговоров, которые закончились «вечным миром» 1686 г., польские послы в Москве подняли вопрос о возвращении Польше Киева. В. В. Голицын тут же перечислил целый ряд причин, по которым это состояться не могло, в том числе были упомянуты и «прописки в титуле царского величества», а также книги, «которые на укоризну всему русскому народу печатаются». «В книге, изданной Потоцким, помещены такие речи, что не только говорить, но и вспомнить страшно, например: „неверная Русь, дурная Москва, упрямый москвитянин“. И после этаких нестерпимых, лютых и явных досадительств, — заключал В. В. Голицын, — можете ли вы, поляки, надеяться когда-нибудь получить Киев? Возможен ли между нами вечный мир?»³⁵

Из этого примера характер использования поэтических произведений в дипломатических целях совершенно очевиден и он ничем не отличается от действий Г. Пушкина в 1650 г. Откуда, однако, узнал Голицын, что В. Потоцкий был автором, а вернее, одним из авторов этого «пашквиля»? Думается, что источник атрибуции можно указать почти безошибочно.

В сатирическом цикле стихотворений, переведенном в Посольском приказе в 1677 г. (о самом цикле см. ниже) о «Музе» говорится следующее:

Сей волк³⁶ лукавый с своими злодеями,
 Что иво хвалят лстивыми «Музами».³⁷

 . . . Киев с Смоленском вечно в руках ляжет
 У царя за ту «Музу»³⁸ Потоцкого
 И за прописки канцлера Паца, будто умнаго.

 Тож нам ныне прядет песнь Потоцкого,
 Ныне сладки суть стихи Сабеского.

 Таковых завотчиков, понеж благочестиваго
 Царя поносили, крови не желающего,
 Как ныне нелепая «Муза» Потоцкого
 пост на него.³⁹

Поскольку ни автор этого стихотворения, ни Голицын не упоминают о Любомирском, действительном авторе «Музы» (панегирик Потоцкого припечатан после нее), именно этот цикл стихотворений можно считать источником атрибуции «Музы» для русских дипломатов. То обстоятельство, что атрибуция все же неверна или верна лишь отчасти, никак не умаляет значения кропотливой работы русских переводчиков по изучению современной польской литературы. В других случаях их атрибуция была безошибочна.⁴⁰

Неизвестный польский поэт, автор цитированных только что стихотворений, предугадал, кстати говоря, и реакцию русских на «Музу».

³⁴ Попов А. Русское посольство в Польше. . . С. 189.

³⁵ Цит. по кн.: Устрьялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. 158—160.

³⁶ В ркп. на поле король.

³⁷ В ркп. на поле песни.

³⁸ В ркп. на поле книга.

³⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 495 об., 496.

⁴⁰ См.: Николаев С. И. «Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 255—256.

как есть основания полагать, что он сохранился только в переводе, сделанном в Посольском приказе.

Оригинала среди печатных произведений, посвященных Яну Собескому — главному герою этого цикла, — отыскать не удалось,⁴⁸ и вряд ли он был напечатан — тогда в переводе бы значилось, как обычно в таких случаях: «Перевод с польского письма с печатной тетради». Скорее всего, Тяпкину в руки попала рукописная тетрадь, в которой были собраны стихотворения разных авторов (двух или трех).

Окказиональная поэзия того времени изучена довольно неплохо, но интересующие нас тексты в литературе не указаны. Не упоминает о них К. М. Гурский в исследовании «Король Ян III в польской поэзии XVII в.».⁴⁹ Не значится он и в Картоотеке польской литературы XVI—XVIII вв., составляемой по рукописным материалам в Институте литературных исследований Польской академии наук (Варшава).⁵⁰ Не был известен этот цикл и самому авторитетному знатоку польской окказиональной поэзии Ю. Новаку-Длужежскому, который не пишет о нем ни в библиографии старопольской окказиональной поэзии, составленной преимущественно по рукописным источникам,⁵¹ ни в шестом томе своего монументального труда «Окказиональная политическая поэзия в Польше», который посвящен второй половине XVII в.⁵² Таким образом, мы имеем дело с неизвестными произведениями польской демократической сатиры. В самом этом факте нет ничего исключительного. В Польше при Яне Собеском ходило по рукам множество направленных против него сатирических стихотворений, которые, кстати, изымались и публично сжигались.⁵³ Неудивительно, что только в переводе некоторые из них и могли сохраниться. Вместе с тем, находки и публикации польских сатирических стихотворений до сего дня не редкость в науке.⁵⁴

Для точной датировки и атрибуции цикла исчерпывающих данных нет, но все же возможна довольно убедительная «локализация» всего цикла в общеполитической обстановке в Польше. В тексте упоминается коронация Яна Собеского (л. 504 об.), которая состоялась 2 февраля 1676 г.; о царе Алексее Михайловиче говорится, что он уже умер (л. 495), поэтому датировка всего цикла 1676 г. сомнений не вызывает. *Terminus ante quem* дан в заглавии перевода: «Присланы те вирши чрез виленскую почту в нынешнем во 185 году октября в 8 [день]», т. е. 8 октября 1676 г. *Terminus post quem* можно извлечь из стихотворения «Поздравление Яну Третьему, королю полскому, возвращения его из французской земли в Варшаву 1676 году июля в 8 день» (л. 503 об.—506 об.). Хотя Ян Собеский и не покидал тогда пределов Польши и это лишь намек на его про-французскую ориентацию, можно полагать, что стихотворение написано после 8 июля 1676 г. Следовательно, цикл был составлен не ранее 8 июля и не позднее 8 октября 1676 г. Анализ цикла не только подтверждает такую датировку, но позволяет и уточнить ее.

⁴⁸ См.: Estreicher K. Bibliografia polska. Kraków, 1930. Т. 28. S. 355—371.

⁴⁹ См.: Górski K. M. Pisma literackie. Warszawa, 1913. S. 1—187.

⁵⁰ Этим сведениями мы обязаны любезности составительниц каталога М. Захары и К. Мрочек.

⁵¹ См.: Nowak-Dłużeński J. Bibliografia staropolskiej okolicznościowej poezji politycznej XVI—XVIII w. Warszawa, 1964. S. 65—78. См. также раздел, посвященный Михаилу Вишневецкому. (Там же. С. 56—64). — Отметим, что в библиографии учтены стихотворения, насчитывающие несколько строк.

⁵² См.: Nowak-Dłużeński J. Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. Warszawa, 1980. Т. 6: Dwaj królowi rodacy.

⁵³ См.: Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego (1629—1674). Kraków, 1898. Т. 3. S. 11. — На русском языке имеется основательная работа, в которой можно найти общую характеристику сатирической поэзии в Польше. См.: Чернобаев В. Г. Политические пародии в старой польской литературе и на Западе // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 255—333.

⁵⁴ См.: Śliziński J. Sobiescianum z roku 1674 // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. Warszawa, 1977. Т. 22. S. 203—205.

Исследуемые тексты относятся к редкой разновидности сатирической поэзии, которую можно условно назвать, пользуясь термином Г. А. Гурковского, «солдатскими стихами». Трудно указать, к какой из нескольких существовавших тогда в Польше политических группировок принадлежит автор (или авторы), ибо весь комплекс текстов — безжалостная и беспощадная сатира на короля и королеву, на духовенство — от папы до ксендзов, — на гетманов, на сторонников короля и на его завязтых противников и т. д.

Автор только однажды говорит о себе, что он «мирской» и служит в армии 4 года (л. 493 об.), т. е. от начала польско-турецкой войны 1672—1676 гг. Во всех остальных случаях он выступает от имени войска: «нам, жолнером» (л. 487 об.), «а мы, квартяные» (л. 511); речь его явно звучит в военном лагере: «. . . тогда просим вас, ксендзы, до обозу» (л. 510), а обращаясь к краковскому епископу Анджею Тшебицкому, автор укоряет его: «Сам бы ты, бискупе, пужды отведал, в войске побывав, трупе, умел бы ты, как жолнера почитать, сена не давать» (л. 509 об.). Одно из стихотворений называется «Ответ некоего служивого х королю» (л. 507 об.—508), другое — «Ответ и мысль всего войска» (л. 508—509 об.). Во втором говорится, между прочим:

Пусть же сплит (Ян Собеский. — С. Н.)
 лестьцов-полковников,
 Ротмистров кормит, будто бы мясников.
 Нас накормил часто мертвою кониною,
 смрадную псиною.

 Так вы, тыране, что хлеб наш ядите.
 Только б нас в обоз, сами не глядите,
 Сами в банкеты, в вина и в бастры,
 а нас на нож острый.
 (л. 508, 509)

Значит, эти стихотворения возникли в среде «ратных людей» (л. 486 об., 497 об.), в солдатской массе, голодной и обнищавшей, которой государство задолжало уже несколько миллионов золотых платы («кварти», одной четвертой части доходов короля, отсюда и название войска — «а мы, квартяные»; хотя само название «квартиное войско» было отменено в 1658 г., оно еще долго держалось по традиции). Деньги и вообще казна часто упоминаются в цикле в самых разных контекстах. Это позволяет уточнить датировку цикла.

Значительное место в цикле отведено жене короля Марии Казимире, урожденной д'Аркьен, которая прибыла в Польшу в 1646 г. десятилетней девочкой в свите Людвиги Марии, жены Владислава IV. Три десятилетия спустя и она стала польской королевой, проводившей свою, иногда независимо и в тайне от короля, политику. К королеве в Польше относились крайне недоброжелательно и даже враждебно, небезосновательно считая ее главным проводником профранцузской линии в Польше.⁵⁵ Поэтому, когда летом 1676 г. королева отправилась на лечение за границу, по всей стране поползли слухи, что она вывозит казну, а король только и ждет ее отъезда, чтобы окончательно погубить Польшу и бежать во Францию.⁵⁶ 21 июля 1676 г. королева в сопровождении короля и посла Франции марсельского епископа Форбен Жансона выехала в Гданьск. В тот же день в Гданьск прибыл из Франции еще один посол — маркиз де Бетюн, женатый на сестре Марии Казимиры. Оценив ситуацию, он отговорил

⁵⁵ Тяпкин, например, писал А. С. Матвееву, что при коронации, «стоя меж сенаторов и воевод», он «наслушался много басен <о Марии Казимире>, их же неудобь возможно писати» (П о п о в А. Русское посольство в Польше. С. 172).

⁵⁶ См.: Описание жизни Иоанна Собеского, короля польского, сочиненное г. аббатом Кое. СПб., 1773. Ч. 2. С. 108—109; Archiwum spraw zagranicznych francuskie do dziejów Jana III / Wydał K. Waliszewski. Kraków, 1884. Т. 3. S. 275.

королеву от поездки, о чем доносил Людовику XIV 5 августа. В начале сентября королева в сопровождении двух французских послов отправилась в имение Собеских недалеко от Львова.

По нашему мнению, именно этот эпизод описан в первом стихотворении цикла:

Златы поляком лучи солнице испущает,
Из Гданьска едина нам надежда приезжает.

.....
Казну покраденную назад всю привезла.

(л. 487, 487 об.)

Если это допущение верно, то *terminus post quem* следует перенести на начало сентября 1676 г.

Можно уточнить и *terminus ante quem*. В цикле неоднократно упоминается Львов: одно из стихотворений называется «Песнь львовская, которую казаки сложили» (л. 490 об.). Судя по всему, лагерь, о котором идет речь в цикле («обоз»), — военный лагерь подо Львовом. Ян Собеский стал собирать там войска как раз в начале сентября, а сам прибыл туда 17 сентября, 25 сентября началась осада турками Журавно, где заперся Ян Собеский с армией. Осада окончилась 17 октября 1676 г. польско-турецким договором, по которому Польша перестала платить ежегодную дань, получила назад Подолию, которая отошла к Турции по бучачскому договору 1672 г.⁵⁷ Между тем в нашем тексте о военных действиях речи нет. Более того — король «сам за зайцы гоняет, а нам велит к бою. Ныне в Яворове (имение Собеского. — *С. Н.*) на удах сидит, на сельди глядит» (л. 510 об.), т. е. короля еще в лагере нет.

Эти наблюдения можно суммировать следующим образом. Сатирический цикл мог быть составлен в период с 8 июля по 8 октября, а завершен в лагере подо Львовом в первой половине сентября 1676 г. и, вероятно, сторонником Вишневецких — как умершего короля Михаила, так и Дмитрия Вишневецкого, «польного» (а затем и великого) коронного гетмана, с которым автор большей части стихотворений знаком и которого хотел бы видеть польским королем вместо Собеского:

Знаюся с польным коронным гетманом,
Лучши жить станет з Дмитром, нежели с Яном.
Перво князь Дмитрей пусть себя исправит,
Как гордость скинет, бог духа свята вправит.

(л. 502 об.)

Возможно, что весь цикл и есть упоминавшееся выше «Письмо виршевного уставом полским» (т. е. рукописное), которое Тяпкин выслал 15 сентября 1676 г., а к 8 октября оно вполне могло попасть в Москву.

Датировка сочинений подобного рода должна быть очень осторожной, так как в них вообще, в том числе и в нашем, много противоречий, в частности хронологических. Это и «возвращение» Яна Собеского из Франции, хотя он там не был; «Песнь львовская» может быть отнесена к лету 1675 г., так как в 1676 г. королева там не была и т. д. В только что приведенном фрагменте также есть анахронизм: Д. Вишневецкий был «польным» коронным гетманом до 2 февраля 1676 г., а после коронации Яна Собеского был назначен великим коронным гетманом, «польным» же стал Станислав Яблоновский, между тем датировка текста временем после 2 февраля 1676 г., т. е. после коронации, сомнений не вызывает.

Однако перед нами памфлет, а не историческое сочинение. Перевод сохранил нам то, что вообще редко попадает на бумагу, — стихию устной культуры, то, что в фольклористике принято называть «слуши и толки».

⁵⁷ См.: Woliński J. Z dziejów wojen polsko-tureckich. Warszawa, 1983. S. 163—181.

Отсюда не только хронологические сдвиги, но и явно преувеличенные слухи о распутстве короля, королевы и их приближенных, продажности, пьянстве и т. д. Вместе с тем в этом цикле видны все те противоречия, которые раздирали Польшу, проставлены все акценты, подробно описано настроение в армии и т. д. И самое главное, стихотворный цикл давал ответ на вопрос: кто есть кто? Для той дипломатической деятельности, которой занимался Тяпкин, именно такая сиюминутная информация и была необходима.

Памфлет «на потребу дня» иногда освещает те явления, которые не могли попасть в официозный отчет, да и появляется он зачастую быстрее. Русские дипломаты читали и то и другое, читали придирчиво и со знанием дела, что видно по «реальному», а иногда и «филологическому» комментарию к переводу (см. Приложение).

Посольский приказ на протяжении всего XVII в. был литературным центром;⁵⁸ подвизались в нем и поэты, например Алексей Романчуков, который занимался литературным творчеством как частный человек,⁵⁹ к тому же кругу относится и самозванец Тимофей Акундинов. Но эта школа исчезла после никоновской реформы, и хотя традиция была жива, к приказной школе 30—40-х гг. нельзя возводить переводы, сделанные в 70-х. Прежде всего переводчики этого времени — в основном ипоземцы на русской службе, хотя среди них есть и русские, в том числе и поэты (Л. Т. Голосов). Так, в 70—80-х гг. в Посольском приказе польский язык знали Семен Лаврецкий, Григорий Кульчицкий, Иван Гуданский, Гаврила Дорофеев, Иван Васютинский (в 1677 г. они перевели «Великое Зерцало»), Стахей Гадзаловский (в 1685 г. перевел «Гиппику»), Степан Чижинский (в 1691 г. перевел «Выдание о добронравии» Яна Жабчица), Петр Долгово и Иван Тяжкогорский. Латинский язык знали Леонтей Гросс, Юрий Гибнер (Hübner) и Николай Сфафарий. Напомним, что в эти годы в Посольском приказе было в среднем около 20 переводчиков, в том числе с польского — 3 или 4.⁶⁰

Пока нет возможности указать, именно какие стихотворения перевел, поскольку все они рассматривались как документы («вести» или «авизы») и читались наряду с дипломатической перепиской, сеймовыми конституциями, универсалами, политическими сочинениями. Потому неизбежен и тот комментарий, которым они снабжены. Впрочем, иногда он носит чисто индивидуальный, «читательский» характер, что очень важно.

Кроме несомненной для русской поэзии жанровой новизны отметим другую особенность посольских переводов — поэтику барочной поэзии. Характерна жалоба Тяпкина, что ему трудно достать верные сведения, поскольку «много составных проектов рассеивают каждый по своему желанию чрез обычные свои вертолвные копце пты».⁶¹ Эта фраза поистине замечательна, ибо она свидетельствует о знакомстве Тяпкина, хотя бы практическом, с теорией концептизма. Тяпкин был человеком образованным, знал польский и латынь, а сын его, который и учился в Польше, однажды произнес столь искусную речь по-латыни, что Ян Собеский наградил его сотнею золотых червонных и

⁵⁸ См.: Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа // Книга: Исслед. и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244; Морозов Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII—начале XVIII в. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 107—124.

⁵⁹ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 35—42.

⁶⁰ См.: Белокуров С. А. О Посольском приказе. С. 136—138.

⁶¹ Соловьев С. М. История России. Кн. 6. С. 518.

15 аршинами красного бархата.⁶² Таким образом, барочную поэтику и риторику они знали и понимали, и «вертоглавный» не означает «невразумительный»: здесь подразумевается то, что концепт для прямолинейного толкования сложен, недаром, кстати, наши дипломаты вступали в «филологические» споры с польскими дипломатами, толкуя значение того или иного слова. И награду сын Тяпкина мог получить лишь в том случае, если превосходно владел «вертоглавными концептами». Тяпкина, как и других сотрудников Посольского приказа, они не устраивали как дипломата, а не как человека определенной культурной системы. Недаром художественно наиболее совершенны и ценны переводы сатирических стихотворений, не связанных с русской тематикой. Особенно замечательны переводы из книги «Небездельное безделье» (1674) одного из крупнейших мастеров польского барокко В. Коховского.⁶³

Переводчики успешно справлялись со своей задачей, сапфические строфы или октава не представляли для них трудностей. Единственная особенность стиха — нигде не выдержан изосиллабизм, что и для польских и для русских профессиональных поэтов уже было нормой.

Переводчики Посольского приказа не были скованы правилами и эстетическими запретами школы Симеона Полоцкого. Перевод был для них обыденной работой. Наряду с «Книгой конской езды» они переводили стихотворения Коховского, и это было для них в принципе одно и то же. Однако свою специфику стихотворный перевод имел. Он был выборочен. Причем выборочен не только в том смысле, что выбирались нужные места для перевода (это понятно), а в том, что в оригинале выискивалась и свободно передавалась основная идея (смысл): брались стихи или полустипшия из разных мест оригинала, при этом делались пропуски и даже добавления. Такой перевод является точным и ясным сокращением, чем-то вроде резюме оригинала. Однако отметим, что эта тенденция ощутима лишь в переводе стихов нейтральных или сатирических, тогда как стихи информативные (с «бесчестьем») переводятся точно, вплоть до пословного перевода.

Переводы польской политической поэзии уже в силу своей специфики не могли получить широкого распространения, однако перевод латинских стихов на въезд Яна Собеского в Варшаву, присланных Тяпкиным, читается в одном сборнике начала XVIII в. среди слов на праздники и высокотожественные дни Дмитрия Ростовского, Феофана Прокоповича и др.⁶⁴ У сына Алексея Михайловича, Алексея Алексеевича, было «Описание коронации польского короля Михаила». В 1691 г. переводчик Посольского приказа С. Ф. Чижинский, известный также в истории русского театра, перевел сборник ритмизованных афоризмов Я. Жабчица «Выдание о добронравии», который известен в 14 списках, и т. д. Эти данные, далеко не полные, говорят о том, что произведения, переведенные в Посольском приказе, могли распространяться и распространялись. Самый яркий тому пример — «Великое Зерцало». Это относится и к переводным стихотворениям, дальнейшие разыскания, очевидно, подтвердят это.

В Приложении публикуется цикл сатирических стихотворений о Яне III Собеском, королеве и других лицах, переведенных в Посольском приказе в период с октября 1678 по сентябрь 1677 г.

⁶² Там же. С. 521.

⁶³ См.: Николаев С. И. 1) «Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе. С. 251—258; 2) «Посмеятельные слова» В. Коховского в русском стихотворном переводе 1677 г. // РЛ. 1980. № 1. С. 121—126.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 520—522; ГПБ, Соловецкое собр., № 927/1037, л. 277—278 об.

л. 486 **Перевод с полского писма с виршов, каковы писаны на бесчестье королю полскому, и королеве, и послу французскому, и бискупом, и сенатором, а присланы те вирши чрез виленскую почту в нынешнем во 185 [1676] году октября в 8 день**

Иоанна перваго, короля полского седмопоясия победителственнаго королевствен-
ный верх.

Окаянный Яне, ослепл еси рано,
Аще бы от бога имел себе дано,
Могл бы отучить хвост своей супруги:
Присел к ней француз, а с ним бес безногий.
Естльи можеш, отрешь, пусть не окуривает,
Полшу с Литвою не обуривает.
Наклонь шею, не ленись, отучи от флюндер,
Не поможет ти тогда твой герценбрудер.^{1, а} ||

л. 486 об. А в лице написан король с поднятою рукою, возле него королева, положи правую руку на плечо, над королем над плечами струны, над королевою скрипичной смык. Возле королевы французской посол в скрипицу играет, над ним скрипица ж. У королевы саянной подол оббился х коленом французского посла. Под королем ратные люди грозят на него, поверх их написано:

л. 487 Струны окоянные — Ян, лукавый волк,
Злая Козимира — французский смык. ||
В скрипицу и в дуду сам француз играет,
А народ в Полше и в Литве рыдает.

Под послом (так! — С. Н.) посла французского написано:

Факция^б говорит: «Я престать не могу,
Пока дьявол выломит мне другую ногу».

Под тем подо всем:

л. 487 об. Златы поляком лучи солнце испущает,
Из Гданска едина к нам надежда приезжает.
Веселится и небо, красно уставляясь,
Напаяет^в же сушу, в дождах изливаясьсь.
Светло небо облаки темны разгоняет,
Сухи плоды, росами кропя, напаяет.
Когда небо весело и всяк веселится,
Королева приходит — всяк весел быть тщится. ||
Дайте партесы, ноты, петь буду веселы,
Плещите, руки! ноги, дрягайте, дебелы!
От главы начнем перво, ясне веселися,
Велика бо причина, трижды обратися.
Казну покраденную назад всю привезла,
Прийми хвостом, а отдай нам, жолнером, без зла.
Не королю принесла токмо добры песни,
Принесла и нам светлы, варшавяном, вести.
Принесла мир от турка и покой святой,
Чай, от теплиц^г сей страх нам принесла взятый.

^{1, а} В ркп. на поле брат сердешный. ^б В ркп. на поле тайной промысл фран-
цузской или посол. ^в Испр., в ркп. напаяет. ^г В ркп. на поле теплые воды.

ПЕСНЬ ПОЛСКАЯ И ИГРА НЕПЛОХА ЛИТОВСКАЯ

Ян Собеский — струны,
Жена его — смык,
Польша с Литвою — скрышица,
Король французской игрец. ||
Разумен от бога, глуп от здепняго мира,
Злый безбожник, не глядит, хоть от спекулятора
Или от диявола дела начинается,
что бес всеваает.

л. 488

Хотя ты, Яне, от третья состава,
Корень имаши дел с моего устава.
Не начну от дьявола се стиха твоего
для бога моего.

Хочю от мира начать, яко и шут шутить,
Покамест ты бог твой ис кожи не вылупит.
Сей старой шалбер четвертой меж вами,
той ты обманет.

Игрец Смык Струны
Четвертой дьявол хромый.
От смыка начну, в ыгреце помолчю,
На струнах удивлюся лукавству волчью,
Понеж смык склад один, а в смыке литеры^Д
всего четыре. ||

л. 488 об.

Начал бы от игреца, понеж начало
Того согласия не ново зачало,
А не от смыка, пулноного делишка,
конского волосишка.

Но как трудно молвити слово смык без еры,
Кроме хотя остались в лишке три литеры,
Так трудно игрецовых поступков составы
описать з главы.

Игрец — король французской, а смык — королева
Или Собеская бывша маршалкова,
А господин Собеский — горки наши струны,
под смык готовы.

Королем тебя, Яне, назвать не вем, како,
И твою своеволну кобету^Е инако,
Самые поступки по вас объявили, волче хиппливий.
Свидетельствует щастье за вашим урядом,
Видим очима, что бог дал то своим судом,
За наши грехи короля-тырона^Ж
дал нам за пана. ||

л. 489

Знатно по самом имени Янове,
И кто где слышал в прозвании такове,
Чтобы Ян был в свете победитель славный,
предстатель давный?

Хишных волков славою он не прославляет,
Чужой чести хишников он не величает,
И Иоан святыи в обиду Михайла
не даст сначала.

То имя Витольд или гром вторый
Олгерт, Едимин и Стефан Баторы,
Адолф и Август, Кобыбут, Болеслав
или Владислав,

^Д В ркп. на поле слова из букв. ^Е В ркп. на поле королеву называет кобетою или блудницею. ^Ж В ркп. на поле мучителя.

Генрик Ретко, Казимир, Михайло,
 Что им бог дал, то и тебе достало,
 Напихал свое брюхо пацовскою славою,
 сиди ж под лавою. ||

л. 489 об.

ПЕСНЬ ИСТИННАЯ

И жена твоя угодила в име.
 Что Казимира, о том дивно в Риме,
 Чево Казимир не искажил глупый,
 она долупит.

Но советую, Яне, буди Болеславом,
 Как некогда бывало с святым Станиславом,
 Уччини над Требицким, страшным прожорою,
 лстивым Июдою.

А буде на год нам вас еще станет,
 С³ твоим пакостным смыком, хищный Яне,
 Пропадем все, для того пропади ты скорей,
 не мути болей.

Естьли при Казимире, короле преславном,
 Кровью, высочеством не тебе ли равном,
 Понеж не во время на престол нам дали,
 долго рыдали. ||

л. 490

Сверх того, кто ты и кто твоя пани?
 И счастье ваше видите вы сами?
 Мы видим, так бог милосерд над вами,
 как вы над нами.

Что сотворил еси Михаилу славному,
 Поистинне нам богом помазанному?^п
 Выпьеш и сам питье отравленно,
 тебе уготовленно.

Покамест сей конь з барана не всядет,
 Пота нам в тяжелой нужде скакать будет.
 Струны из барана, а смык ис хвоста, прохади
 (так! — С. Н.) хоть спроста.

Которой казаки на стыд нам и тебе
 От ея доброт сплели венец себе,
 Скоро узнали, хто строит банкеты,
 пуцает ракеты. ||

л. 490 об

ПЕСНЬ ЛЬВОВСКАЯ, КОТОРУЮ КАЗАКИ СЛОЖИЛИ

Ни в Варшаве, ни в Кракове
 Не видали дива, как во Львове,
 Коли королева выезжала,
 Своего милиша провожала.
 Простец король, беса знает,
 Кого посол обнимает.
 Гей, королева черноока,
 Бережеш крепко французского бока.
 Ой, наши жонки дивились,
 От королевы того не надеялись:
 Держит посла за ручище,
 А он у ней в распоре ищет.
 Для того Польша нездорова,
 Бегают за быками, что корова.

³ В ркп. написано дважды. ^п Испр., в ркп. помазанному.

БРЕ, МОРЕ, БРЕ!

Смык как в руки крепки достанется,
Трещит, там и струна порывается,
Хотя мертвой лошади волосы бывают,
смыком называют. ||

Смыком покойна и Казимилова,
Хотя породю была королева,
А за доброту, как волосы в смыке,
имя ее кликнем.

Резала струны, когда королем владела,
Сколь та народу игра была мила:
Скакала бедна Полша многи годы,
тож и сего дни.

Бог, наказуя, дал сома^к з болота;
Умилостивись, боже, гинет голота! ^л
О, Великая Полша, когда так стонала,
а ныне обедняла.

РОД ГНИНСКИХ ТОЛЬ СТАР И СЛАВЕН, КАК И СОБЕСКИХ

Не див, что сенат полской ослепленный
Любит пьянство, разум их бешеный,
Не дивно, что лаял зерньшик Сивиявской
казак запорожской. ||

Не диво, что и Ян з зависти поносил
Святаго короля, диявол то в них вносил,
Дивно — Гнинской глотал честь его
сабакою из него.

Естьли слеп разум в главе у ково есть,
Сколь велик дом их, всяк им то повесть.
Сколь велик, Гнинской, твой, тех Собеский
сынок был мейский.^м

Кто был Михайло? Которого рода?
Тех князей светлость та ли порода?
От Корибута ль? Сабежский хотя горюю —
королем Михайло.

и Когда б не ослепл Гнинской,
Вознеслься женою,
Хотя ис сената с пехотою храмою,
Мня себя богата, рекл ли бы сетование
о том немало.^о

Дивно, реку, ложному словеси духовному
Ныне примасу, ксендзу Ольшовскому:
«От колико, де, сот лет не имели такова
сих мер короля».

А ныне развратник и на нас уже шьет
Усты своими смрадными, и на него кует
Каштелян наш бреской, тут же подкоморье,
коронной переговорове, ||

Сарновской и иные, которых он, хитры,
Волк лукавый, подолстил, а не дал ни выдры.
У их краковской бискун, старая то беда,
шипит, что змея.

Но мы псов таких, двоеличное дело,
В свой не приемем союз, почтем в басни смело.

^к В ркп. на поле короля называет. ^л В ркп. на поле бедные люди. ^м В ркп. на поле мещанский. ^{н-о} В ркп. вся строфа написана на поле.

ПУСТЬ БУДЕТ МЕЖДУ СЛЕПЫМИ И ЕДИНОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ ||

Чего не учинят велможы, когда толикая тати дерзают, естли духовные те бредни *л. 493 об.*
пишут. Для чего мне, мирскому, четвертого не исполнили году, служа в том чину
и правду изъясняя с Яном Замойским, делом твоим; противу Шереметева у Чюднова,
чае, блюдо лизал с пресветлейшим Яном Казимиром, против Москвы и казаков за
Днепром з бою жестокого лесом убежал еси. А буде правда говорить, кто тебя знал
или слышал?

А ты, княже Димитрий, корыбуцка слава,
Перестань усы тянуть, понеж отрава
И тебе равно так же есть угованна,
как и для пана.

Будь осторожен и в грехах покайся,
Что был еси зол, горд, в карты играть
опасайся, ||

Поплачь пред богом и житие исправи —
бог тя прославит. *л. 494*

Толко в молитве день и ночь пребуди,
А бедных людей меры полнить не забуди,
Будь благочестив, а стыд и сором знай,
в карты не играй.

Соблюл бы господь от злых рук Михайла,
По се б время память его пребывала,
Когда бы в тебе княжкой поступок был,
так бы ты владел.

ПЕСНЬ ИСТИННАЯ

Вещь сия драгая французской работы,
Будет ея бог весть до коей суботы,
Ис конского хвоста та волосина
в золото оправлена.

Хотя дешев сандал, но в золото обделан,
Тот играет смычком, от кого он зделан,
Заморское древо не одному око
выколет глубоко. ||

Гораздо накололся и князь Димитрей смелый, *л. 494 об.*
Костянтину (так! — С. Н.) не дивно,
дурачок тот целый.]

Воля в том божия, вольно ему золото
бросить в болото.

Дивно, что Димитр одурел немало,
Пред Собеским дрожит, бутто конь с пострела,
А как у себя о чем с нами радит,^x
ус гордо гладит.

Казнил вас господь за ваши злобы,
Что не выпросим денег за наши службы,
Лутчи зерню и карты проиграть Сапеге,
тем еси беден.

Отнял вам господь чести вашей степень,
Вверже в вас буйство, будто в море камень.
Где ваше сердце, литовские паны?
Все ныне блазны.

Похотел было оспорить Пац храбрый,
Но^ц Родивил (с предков изменник то старый)
Промыслом войско бунтовал в полю,
зять бо королю. !:

^x В ркп. на поле советует. ц Испр., в ркп. на.

л. 485

Дивно то случилось тебе, Конецъполской.
Где твоя храбрость, где поступок твойской?
Когда боялось волчье рыло твоей руки?

Ныне ты мяхкий.

Возрим, что творят бесчинно Потоцкие.
Коль славен дом сей, ныне, аки мужицкие
Дети, и с каким обманом льстят пану,
так и оне Яну.

Чай, того ж рода, что древле булаву
Дал Хмелницкому, сам скочил под лаву,
Тот ныне шурмует царю около носа,
будто остра коса.

Тот Собеского славу писаньем прославлял,
Хотя здох с отчаяния, нам лиха наделал.
Будет нам опять, хотя царь не живет,
сын шею отсечет.

Опять, бедная Литва, ты потети будеш
И честных сынов к тому коронных приведеш,
Изопьнеш морсу, уготовленного

через Потоцкого. ||

л. 495 об.

Невинные головы, хотя не ведаете того,
Однако ж узнаете зла много.
Тож и от сына будет, как некогда бывали,
а отца бегивали.

Сей волк^ч лукавый с своими злодеями,
Что иво хвалят лстивыми музами,^ш
Будет в стороне, как Казимир глухой,
народ облужил.

Сапегу Москве не отдал головою,
Что цареву честь отрекал, будто кропивою,
Жаль ему стало изменника Радивила,
что потом было.

Иди в Киев, архимарит скажет,
Что Киев с Смоленском вечно в руках ляжет
У царя за ту «Музу» Потоцкого
и за прописки канцлера Паца, будто умного.
Крепко памятуеш, Мстиславле, кровью омытый,
Там сестры, братья и отцы побиты. ||

л. 496

Не сто тысяч душ тамо под мечь положили,
за перо^з срубили.

Тож нам ныне прядет песнь Потоцкого,
Ныне сладки суть стихи Сабеского,
Но вскоре плясать будеш, Литва бедная,
когда так же война

Будет на зло наше, как недавно делали,
Когда нас, что скотину, везде живьем брали,
Сверх того, что на поле и по селом детки
псы ели с матки.

Везде мучили, секли и рубили,
За прописки тех воров нам то учинили,
И фортуна^ю сабацки тем врагом служила,
гордость их была,

Таковых заботчиков, понеж благочестиваго
Царя поносили, крови не желающаго,
Как ныне нелепая «Муза» Потоцкого

поет на него. ||

^ч В ркп. на поле король. ^ш В ркп. на поле песни. ^з В ркп. на поле прописки. ^ю В ркп. на поле счастье.

Тогда Радивил и вси сапежинцы
 Везде бегали, бутто волки ис под мелницы,
 А потом Вилню, что лютой змей, пожрал,
 а сам побежал.

л. 496 об.

Покамест господь им призрел с высоты
 На кровь невинную и на темноты,
 Яже просветил силою Чернецкого,
 вожда молодецкого.

Пожерл есть и того славу вол глотливый,^я
 Чрез уста лестных изменников лстивы,
 А как лгал сенат, здравствуя с послами:
 «Боже, буди с нами!
 Ты — Александр, ты — Гектор мужественный!»
 А весь свет знает, что с предков хорь
 боязненный,

Поел чюжие цветы голоден вол в поле,
 сам лежа в гное.

С ним безбожные вси его сверстницы,
 Поглотив Каменец, лукави хищницы
 Лстят ему, поглощая города с местами,
 спелят прикрасками. ||

Познали есмы ныне, что Пац в том правдовал,
 Теперво то правда — всем он добра желал
 И в правде спорил жирному сому,
 и мы споболезнуем тому.

л. 497

Что ж, когда почали таковы королевать
 И властию жон своих скипетры принимают?
 Ныне достойно Полше с своею славою
 лежать под лавою,

За очи бить, сечь кому. Королевою
 Собеской быть с вертопрашною главою
 И княгинею Литве, а как привезли,
 на престол взнесли.

«Не позвалям»^{II, а} побежав, что собаки, молчат,
 Видя перед собою суровость волчью.
 Лестцы тотчас вскричали королю: «Королеву
 пусть увидим нову!»

Господин воивода сендомирской з бородою,
 Хотя не хотел, принужден итти их дорогою,
 Смотрит, где сенат стоит постоянно,
 умному все странно. ||

Куды кинеш оком, там везде шпыни,
 То лучшие люди, а все Морштины,
 Князь Доминик или недороден,
 где таков зброден.

л. 497 об.

**БЛАГОДАРЕНИЕ ПАПЕ ЗА ДНИ ПРОСТИТЕЛЬНЫЕ
 И ЗА КАЗНУ РАТНЫМ ЛЮДЕМ**

Достоин еси, святе отче, хваления,
 Иже сим стихом от нашего желания
 Тебе за злат венец уготовленный
 будь поздравленный.

^я В ркп. на поле король.

^{II, а} В ркп. на поле (край листа оборван) то слово у поляк[ов] отрицательное, на [. . .] «не поступаюсь» [. . .], «не хочу», а здесь п[азы]вает тем сло[вом] тех людей, кото[рые] говорят «не позва[ляю】».

Святой папо, како ты нареци святым?
 Дашь уряды лакомцом проклятым,
 Но то не наше, знайся с легатами^б
 или блудниками.

За ними и французы скверна наша пани
 Непрестанно бегаёт вослед, аки лани,
 И замужние уже в Варшаве безчинней
 равны скотине. |}

л. 498

Аще когда сие, как ныне при щасливом
 Новосталом при Яне Собеском,
 Дал бог бискупов, также казнодеев,
 божних злодеев.

Правды не молвят, инии не дерзают,
 Что двор, то блудня горла заливают,
 Блудной двор пухнет, ужь его не хочют,
 чистоту псы лохчют.

Срамота, отче, изъяснять те злости,
 Или не ведомы варшавские пакости?
 Не велиш бискупом на ксендзов кричать,
 им судей обличать.

Как проповедал Христос: «Горе вам, блудники,
 Горе, змие, ехидна, народе жестоки».
 Обличал, шестма конми не ездил в карете
 зимою и в лете.

А не как ныне те наши бискупы,
 Которых соблазняют твои все легаты,
 И се поступки щоголя стройного,
 примаса честного. ||

л. 498 об.

Хоть уже гнезницким он арцыбискупом,
 Понеж король был ему заступником.
 Как ему из рук печать сильно взяли,
 * умрет, чаяли.

Боже, мало ли того беса ему,
 Но бискупу дивней краковскому,
 Которого толко мощи в стуле носят,
 так про него гласят.

Злоба и скупость неисповеданна,
 Змиевым ядом в конец натиранна,
 Сам умирая, на короля благого
 рычал дух его.

Варменской бискуп, сребролюбец старый,
 Видим, из Риму научились^в веры,
 Иезуиты ужь не кознадеи —
 шпыни, злодеи.

Не токмо слышат, видят и уж сами
 Мало не живут с теми кобетами,^г
 А без похлебства кричать уж некому
 во всяком дому. ||

л. 499

Содома страшна, о боже! и явно
 В день хоть пред отцом, что естли давно
 Дивно з собором, что земля жива
 не погрузила.

Видим мы в помощь ювилей^д святой,

^б В ркп. на поле послами. ^в Испр., в ркп. научились. ^г В ркп. на поле теми блудницами. ^д В ркп. на поле (край листа оборван) дни простителн[ые], которые попа [так!] п[о]сылает на оставление грехов.

Хоть мало запасу, однак вин венгерских
 Караваны ходят, толь-то чин жолнерский! —
 Курки печены, сахара привозят,
 нам голод множат.

л. 500 об.

Толко бы в обоз или в кой город
 Строем бы ввести свою хоруггов,
 Тотчас по дорогам запас разбивает,
 голоден не бывает.

Хлеб для пехоты — везде виселицы,
 Дай бы на толсту шею те вервицы,
 Не на нас, бедных, что будто сластями —
 кормимся псами!

Наши овощи — мышь, а телятина —
 Кошка, хотя мертва и кобылятина —
 Как есть не голод! На хлеб не помысли,
 пока король пришлет.

А король умной на нас призирает,
 Твою казну в Крым, отче, отсылает,
 Дает хану золото — хан поноворяет,^М
 будто уступает.

А лицемеры за то возванье
 Повели волка^Н на коронованье.^О
 Не дивно, что слепые мурзы поздравляют,
 с послы величают. ||

л. 501

Из войска такъже многие начальники
 Посполство губят, вместе и с верстники
 Пехоту (поистинне мучеников!) с нами
 своими руками

Извели в розных прилучаях цанство
 Горлом своим винным и различным пьянством,
 Моря их з голоду, остатки погане
 секли нещадне.

Как отступили татары ис подо Лвова,
 Лукаво с литвою идет волчья глава.
 Весь мир знает, естли б литва не пришла,
 нога б их не ушла.

Из-под Хотина как за бусурманы
 Вслед шли, не было б хулы на поганы,
 Когда б дал волю сердцам кавалерским,
 умам рыцерским.

Толко не ослы литва, знала ужа,
 Мстясь за Хотим, хотел съест у литвы мужа,
 Не ныне на пагубу та дуда надута
 играет, прокленута. ||

л. 501 об.

Тож сотворил, отче, и с твоим бряцалом,
 Ты ему дал золотом, а он нам ни салом.
 Кому король з женою твою^П казну дает,
 посол твой ведает.

Та богобоязненна пани — побожником
 На комедии, такъже плясалником,
 А что за пляски, пусть твой посол скажет,
 в Кракове укажет,

Какая комедиа бывала в Варшаве,
 А какво там цесаря дала поруганье,
 В небытии короля смех строя скаредный,
 но бог праведный

^М Испр., в ркп. поноворяязв.
 рованье. ^П Испр., в ркп. твою.

^Н В ркп. на поле короля. ^О Испр., в ркп. ко-

Венгры, италиане болши живут хлебом.
 Поляк-бражник как вином горло не промочит,
 Тоскует с литвином, лезут изо лба очи,
 Лучши те збытки, отче милостивый,
 Вели отставить на хлеб ненасливый. ||
 Вели в обоз окарки возить и ветчину,
 Крупы, сухари, а не денежину.
 Воришка безделные то вымыслили,
 Тем своим вымыслом и земли сузили.
 Возить денешки — не хлеб до обозу,
 Что и по денгам, как выпал хлеб с возу.

л. 503 об.

*ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЯНУ ТРЕТИЕМУ, КОРОЛЮ ПОЛСКОМУ,
 ВОЗВРАЩЕНИЯ ЕГО ИЗ ФРАНЦУСКОЙ ЗЕМЛИ В ВАРШАВУ
 1676 ГОДУ ИЮЛЯ В 28 ДЕНЬ*

Здрава тя, короля, в возврате встречаем,
 Повеждь, откуда и кого ожидаем?
 Короля ль или блазна, твердь твоя по уши,
 Для чего возвратился, еси не без души?
 Рцы, почто королевы твоей не дождемся? ||
 И с каким постоянством чего надемся?
 Подобае королям постоянным быти,
 Дабы могл всяк по примеру королеву жити.
 От королей сих явно есть и крепко кажется,
 Что един в крентглях,^Т другой в картах вяжется.
 Стыдно зело и нам, что он нас обманул,
 А сперва отрещися никто не догонул.
 А те болваны суть постоянни,
 Хотя их в лоб бьют и в проход задний.
 Не так от пулки трескается глава,
 Не толь заец беситца, когда ему сова
 Очи со лба дерет, как ты беспуешся,
 Что корова от слепней по хворосту суешся.
 Короли картовой своею охотою
 Не делают того, что ты с кобетою.^У
 Хотя короля в картах и о стол хто мечет
 Лбом или носом, однако ж не кричит.
 А тебя, ты, о Яне, кой дьявол брасает?
 Не ведунья ли, что ведунством летает? ||
 На хвасте тебя носит и с Казимирую,
 Покадить вас надобно псим калом с миррою.^Ф

л. 504

л. 504 об.

ПЕРВАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Не тот ли тебя носит, которой к Варшаве
 Принесл тя с твоими пьяницы яве?
 ЕСТЬЛИ бы не пьяни были, сором бы имели,
 Не было в них бога, как кровь лохтать хотели
 Из Михаила, от бога нам данна,
 Гой, знаем, чрез кого к смерти приведена.
 Хмель то все делал и вместе з глотами,
 Что, забыв бога, злыми лаяли щеками.

^Т В ркп. на поле игра городков деревяных девять, меж которыми девятый — король. ^У В ркп. на поле кобетою назва[на] королева, толк: блудница. ^Ф В ркп. на поле имя королевино.

ВТОРАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Вторая добродетель та — по коронации
 Бежиш в диру, бутто тать из Францыи.
 Тебе короноватца она совет^х дала, ||
 Ехать в Краков с великою спесию желала.
 По короновании в диру стыд не было бежать,
 За то вам велим сабаку целовать
 Вместе обоим, что тайно бежите
 Ночью и днем. Так души себя вы лишите.

л. 505

ТРЕТЬЯЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Третьеѡ добро. Хто велел по частых хворостах
 Ловить перепелок,^ц где твой же дурак
 Вместо зайца уловил лукаву лисицу,
 Племянницу твою, красную девицу?

ЧЕТВЕРТАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Довольно уже было великого стыда,
 Что посол кизылбашской зделал не без смрада,
 Как покоевого твоего сильничал,
 Таков грех содомской злый пес здесь зачал.
 Оставя то, уже все днесь ты поздравляем,
 Что деетца в Францыи, тебя вопрошаем? ||
 Не урвали ль Парижу, будучи там, хвоста,
 Занеже к Гданску бегли, не спрашивая моста?
 Волохов ли^ч к вам или вас к италияном несли?
 Дивно, что в том полете души не вытрясли.
 Добр ваш Зевес, что вскоре прилучил вам воду,
 По желанию вашему учинил охолоду.
 То дивно, для чего ты миновал нас, Яне?
 Хотели поднести было тебе дар в замене —
 Панью Котовску, а ты с ффранцузами
 Пусти с Котовским з болными удами^ш
 Лечитца, хотя она королем учинила,
 Но та искушнейша шпынь, сверх того полька мила,
 Не будет на тебя^щ ни валком бросати,
 Не будет грысть, что червь, не будет ворчати,
 Как та твоя ффранцуженка, когда Михаила
 За короля взяли, каково стонала,
 Не⁹ сышала долго, что Михайло был паном.
 За то за лоб принималась рымарка^ю з гетманом,
 А сия добрехонка будет всегда ладить, ||
 Не испортит тебя, а будет беспрестанно гладить
 И уже меж горами полаты возносит,
 А у своих лошадей хвосты крепко красит.
 Толко ты, о Яне, не краси ей гриву,
 Покаместа Котовской излечит свою жилу,
 Она за то приберет шесть лошадей сивых,
 Не таких лошадишек рымарки смрадливых:
 Волокуются из Гданска, что мокрые седди,
 Болши бредет пеша, нежли на них едет.
 Паня Котовска многа лутчи в твердости,

л. 505 об.

л. 506

^х Испр., в ркп. свет. ^ц Испр., в ркп. пелепелок.
^ш В ркп. на поле М. ^щ Испр., в ркп. дебя.
^ю В ркп. на поле жена или дочь мастера, что кожи чеканит.

^ч В ркп. на поле
⁹ Испр., в ркп. на.

Давно бы возвратилась уж она с волости
 Француские земли, уж бы и салтана
 Утолила и брата твоего-то хана.
 Та там тебя королем смешным учинила,
 А сия бы цесарства вскоре доставила.
 И скорее летает, нежели Казимира,
 Везде ее полно и всякому мила.
 Жолнеры, ксендзы, святые езуиты,
 Любят ее вси цыганы и жида. ||
 Пусть не римарка владеет над нами,
 Но кровь шляхетская. Разсудите сами:
 Та не вывезет казны из нашей земли,
 Воспоможет узорочьем и денги своими.
 Не комидиями будет тя кормила,
 Даст жирной каши, увидиш, сколь мила.
 С одним с тобою будет и одному рада,
 Францускому уж послу не будет привада.
 Покамест Дмитр королем будет над нами,
 Бог с ним есть, узрете вы сами.

л. 506 об.

X КАЗНОДЕЕМ

Дивно нам на вас, милы казнодее,
 Будто вы не знаете, что ся в мире деет.
 Велят вам на нас кричать полские бискупы,
 смрадные трупы.
 Первый шалбир и лстивец великой Требицкий,^я
 Олшовский, арцыбискуп, и третей Варшицкий,^{III, а}
 Естьли вы сните, а служилой видит,
 хто ково обидит. ||
 Не ныне король губит своею рукою,
 Не рубит, толко мучит горкою мукою,
 Молит епископов: «Бога для, пастыри,
 мои шалбири!
 Ведите ксендзом, паче ж казнодеем,
 Пусть на амбоне кричат тем злодеем,
 Которые из войска скоро побежали,
 королю отказали.
 Знамена голы побросали в поле,
 Ни по городам, ни при самом короле,
 Пусть к знаменам своим возвращают,
 сколь возмогают.
 А у меня-де казна им готова,
 Денги и всякой запас дадут снова —
 Хочет ли хто на мушкет, хоть на виселицу,
 емлите пленицу». ||

л. 507

л. 507 об.

ОТВЕТ НЕКОЕГО СЛУЖИВОГО X КОРОЛЮ

Сам на ту мзду иди, Яне, з бискупами
 И сенатори, твоими лесцами.
 Мало что добрых и между бискупы,
 вместо их сконн.
 Збери каноников-милишев с собою,
 Ксендзов, пралатов, не пропадут^б с тобою.

^я В ркп. на поле бискуп краковской.III, ^а В ркп. на поле каштелян краковский.^б Испр., в ркп. пропадут.

В шелковых чюлках целой их собор
 пусть в прямой побор
 Пойдут до беса, а пусть на их место
 Жиды множатся. Пожди, Яне, еще
 Возми всех панов, с коими в Кракове
 был на розговоре.
 Во всю там зиму весело пировал,
 Спал до полдня, в вечеру сеймовал.
 А ночью «буди здрав!» или играл балеты^В
 для той кобеты.^Г || л. 508
 А мы б хоть здохли, понеж условлены
 Станы имели — кровли соломяны.
 Пусть-де радеют, как и я о себе.
 Сто чертей тебе!^Д

ОТВЕТ И МЫСЛЬ ВСЕГО ВОЙСКА

Правда его крепко знатися нам дала,
 Сперва укусен был, а ныне что сало.
 Теперво видим, что зелье кропива,
 налево грива.
 Пусть же слепит лестьцов-полковников,
 Ротмистров кормит, бутто бы мясников.
 Нас накормил часто мертвою кониною,
 смрадною псиною.
 Тем похватили литовского гетмана,
 Пошел из обозу, не дожидаясь обмана,
 Он к злу концу вел всех. На что взираем,
 когда вси погибаем? || л. 508 об.
 Нихто того ныне нам не похули,
 Что королю гетманы на встречу ехали
 С лутчим то войска союза рыцарского
 на лукавство его.
 Правда ль то его? Нечестивым лакомцом
 Велеть хлеб возить в Каменец поганцом,
 Татар не рубить, отпускать их в платье,
 а ты гинь, брате.
 З жалем сердечным к богу воскликая,
 А на все злобство его порекая,
 Когда бы не было ис Киева помочи,
 треснуло б брюхо с мочи.
 Казнодейте ж вы, ксендзы, вельможам и купцом,
 Пусть нам хлеб возят, а денежки немцом,
 А которые во Гданск струги спровожают,
 пусть пропадают.
 Пусть не за море, пусть к нам до обозу
 И в крепости возят з головы по возу.
 Се есть от сотниц старо и ново,
 с того брюхо здорово. || л. 509
 А жид всякой пусть крепко служат,
 Пусть запас возит, коня добра держит.
 Когда в обозе болши хлеба будет,
 медь нам избудет.
 Ведайте, безбожнии, по вашей росправе
 Многие отказали гетманской булаве.

^В В ркп. на поле плясание. ^Г В ркп. на поле блудница, се есть королева.
^Д Испр., в ркп. себе.

Как под Хотином по счастью бывшего
 короля прежнего,
 Хотя по правде победители были
 И волею божиею врагов победили,
 Однако ж из обозу много ль пехоты
 сошли с той работы?
 Так вы, тыране,^е что хлеб наш ядите,
 Только б нас в обоз, сами не глядите,
 Сами в банкеты, в вина и в бастры,
 а нас на нож острый.
 Тем добро сердце у всех нас отбили
 И славного князя когда поморили,
 Тех ковалеров своим безумьем,
 лихим всезлобием. ||
 Того для помочь вам царь уготовляет,
 Король слеп ждет, а царь очищает
 Не за ловлею, хотя сам не в полю,
 иди с ним к бою.

л. 50 об.

К БИСКУПУ КРАКОВСКОМУ

Глух ты был,^ж чаять, бискупе краковский,
 Когда обличал тебя гетман польский,
 Князь хотя скупой, только ся исправит,
 бог его вславит.
 Молвил в сенате сам бы ты, бискупе,
 Нужды отведал, в войске побыв, трупе,
 Умел бы ты, как жолнера почитать,
 сена не давать.
 Знаеш, Иудо, людей брандебурского?
 Да и наряды курфистра пруского?
 Не молодцы ли? Твоим ли гниляком
 ровень жолдаком? ||
 Которых в Каменце поел, будто сельди,
 Отцев богатых и плачут их деды?
 А за тех из скарбу денег прошаеш,^з
 а не поминаеш.

л. 510

К КСЕНДЗОМ

Тогда просим вас, ксендзы, до обозу.
 Нет там голоду, нужды, ни морозу,
 Там кельи теплы, перины пуховы,
 шутики пороховы,
 Француской посол в золотой корете,
 Вина довольно зимою и в лете,
 Там хан в грехах прощает —
 головы срывает.^и
 О дай! бы не было бискупов-кабанов,
 Которых носят, что жирных баранов,
 Время, и плебанов, с ними каноников
 и исповедников. ||
 И тех боровков, обман-езувитов,
 Болши всех лести, правды — что у жидов.
 О! сколь того лиха везде размножилось:
 В ксендзы и в черницы, в спеваки збежалось.

л. 510 об.

^е В ркп. на поле мучителю (так!). ^ж Испр., в ркп. бы. ^з Испр., в ркп. прошаеш. ^и В ркп. на поле муде отрывает.

Обоз им смердит, а на амбоне

бьют в ладони.

Лутчи быть мнихом, а чотки имети,

Нежели пулку в ребрах, — учнет там свербети.

Постники, на смерть не много скорбите,

шалберы, молчите!

Или вы слезы? Король коль тверд в полю,

Сам за зайцы гоняет, а нам велит к бою.

Ныне в Яворове на удах^к сидит,

на сельди глядит.

Будучи^л в Кракове на коронации,

В трубы и в сурны, в французски факции —

«Лей-поливай на всяк день, братчина!

Дай, дьяволе, вина!» ||

А мы, ^тквартьяные, удалы молодцы,

Буде кому силно, чево не отгяли хлопцы.

Проподаем з голоду, а конь от соломы

на зубы хромы.

Отведайте, ксендзы, нынешней сладости,

Не старых королей поступок в нынешней пакости,

Переполощите дождем свои колнерики,^м

статны черевики.

Есть у вас соболи, куницы и рыси,

Берите в службу стаканы, серебряны мисы.

Даст вам и примас свои златы фляши,

будут те часы.

Воскресит вскоре^н нам господь Богдана,

Вывлечет на двор не одного пана,

И не одному топором отделит

лоб от гардели.^о

(ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 486—511)

^к В ркп. на поле на мудах. ^л Испр., в ркп. будичи. ^м В ркп. на поле ожерелки.
^н В ркп. написано над строкой. ^о В ркп. на поле от глотки голову.